

Первый возвращенец

Рамиз Аббаслы

Выпускник Бакинского государственного университета. Пишет на азербайджанском и русском языках.

Автор шести книг, многочисленных статей и переводов. Его первая книга, «Школа семи деревень», в 1994 году изданная в Баку, сразу же стала бестселлером, принесла автору известность в литературном мире. Рассказы и статьи, написанные на русском языке, публикуются в российских журналах.

Автор двух книг на русском языке: «Песня слепого» (М., 2019); «На необитаемом полуострове» (М., 2020). Российские литераторы высоко ценят творчество Р. Аббаслы: по их мнению, его рассказы современны, поистине величественны в своем внимании к деталям, глубине чувств и необычности сюжета, – это новая проза, свежий взгляд на мир.

Первый возвращенец

Война была в разгаре. И вдруг с фронта вернулся живой человек. Никогда такого не было: Гурбан был первым возвращенцем.

До него ни один человек, даже мертвый – ведь погибших хоронили там, где они погибали, – с войны не вернулся. А Гурбан – живой солдат, вернулся с фронта.

Люди (в основном пожилые мужчины и женщины) поспешили на встречу с Гурбаном. Оказывается, в одном из боев он был ранен и попал в госпиталь. Ранений у него было много. В госпитале все раны залечили, и Гурбан выздоровел. Но его правая нога была так изуродована, что, волоча ее за собой, Гурбан еле ходил. Можно было ее ампутировать, но не стали – все же своя нога лучше.

Солдата демобилизовали, и он вернулся домой. Пока ему нельзя было долго стоять или сидеть на стуле. Поэтому Гурбан беседовал с гостями в положении полулежа, облокотившись на подушки.

Время было тяжелое. Даже чай гостям подавали без сахара. Да и сам чай тоже был ненастоящий: его заварили из чабреца. Но многим цвет такого чая не нравится: «Как моча», – говорят, и не пьют его. Поэтому в заварной чайник положили куски тонкой айвовой ветки, и цвет чая стал коричневым.

Потом гости ушли, а Гурбан лежал и отдыхал. Его поразила необычная тишина родного края. От этой тишины приятно звенело в ушах. Раньше он на это внимания не обращал и считал, что так должно быть. А после фронта, где от грохота пушек и взрыва снарядов земля содрогалась, и чуть не лопались уши, абсолютное безмолвие, царившее на его красивой родине, казалось необычным, непривычным... даже неестественным. У него было такое впечатление, что это всего лишь мгновение – и сейчас, сию же минуту начнется пушечная

канонада, и тишина нарушится.

Вдруг эта необычная тишина, так приятно поразившая Гурбана, действительно нарушилась. Проведать фронтовика пришла женщина, живущая на окраине деревни (семья Гурбана жила в центральной части). Она им не родня и не соседка, но всё равно пришла: хотела повидать Гурбана, поговорить с ним, посоветоваться.

В присутствии посторонней женщины мужчине не следует лежать. Гости дали понять, что человек болен, он после госпиталя, очень слаб. Поэтому он может поговорить с ней только в положении полулежа.

– Да о чем вы говорите! – как-то нервозно сказала женщина и всем своим видом дала понять, что в данное время такие пустяки, связанные с приличием, ее не волнуют. – Он же мне в сыновья годится...

И вот Гурбан, облокотившись на подушку, уже беседует с очередной посетительницей. Ее сына забрали в армию, но долгое время от него нет известий. Гурбан – опытный фронтовик, как говорится, собаку на этом деле съел – он сразу понял, что парень или погиб, или в плен попал, или же пропал без вести. Если он погиб, должны были сообщить его семье. А что же тогда...

Гурбан думал о судьбе Сулеймана, мать которого сидела рядом и рассказывала о своем горе. Она даже притронулась к стакану с чаем, который уже остыл. И вдруг она задала очень странный вопрос, который, можно сказать, сразу же ошеломил Гурбана и чуть было не вывел его из равновесия:

– Вот такое у меня горе, Гурбан. Я пришла спросить у тебя – может быть, ты там видел нашего Сосо, или кто-нибудь из твоих товарищей случайно его видел и о нем что-нибудь тебе сказал?

Сосо – ласкательное имя, парня дома так называли. Мать же так привыкла к этому, что уже и не могла называть сына Сулейманом.

То, что долгое время от Сулеймана вестей нет, – это, конечно, плохо. Но этот вопрос с его матерью обсуждать нельзя. Ситуация же была такой, что Гурбан должен был ответить на заданный вопрос. Вначале он растерялся и чуть было напрямую не сказал, что думает. Но вовремя опомнился и начал хитрить: уходил от прямых и однозначных ответов; пожимая плечами, выпячивал губы и свободной рукой делал какие-то неопределенные жесты, что означало «понятия не имею...», время от времени повторял одну и ту же фразу: «Понимаешь, это же война... Всякое бывает».

А мать Сулеймана порой поддавалась его уловкам, но постаралась не дать ему возможности совсем обвести ее вокруг пальца и уклониться от ответа. Ее вопрос – «Может быть, ты там видел нашего Сосо?» –

стоял на повестке дня и требовал четкого, конкретного ответа.

Между тем Гурбан думал, ломал голову и хотел найти более-менее приемлемые слова.

«Глупая женщина... – думал фронтовик. – Она даже не знает, что такое война. Она считает, это что-то наподобие коллективного сенокоса, когда несколько десятков мужчин, заранее договорившись между собой, рано утром выходят из дома и до обеда косят траву на большом участке. По ее разговору, она представляет, что фронт – это два длинных (примерно от Хачынчая до Тертерчая) и параллельных окопа, в одном из которых сидят немцы, а в другом – советские солдаты, и с утра до вечера стреляют друг в друга... К тому же все наши бойцы очень хорошо знают друг друга, всегда в курсе всех событий, в том числе и о новых пополнениях. И если Сосо ушел на фронт, Гурбан непременно должен был об этом знать, и они там даже встретились бы...» – Гурбан с иронией усмехнулся: какая она глупая!

Но вместе с тем эта глупая женщина своим глупым вопросом сумела затронуть его гордость: своего сопливого Сосо она ставит в один ряд с Гурбаном – это унижало и весьма задело его самолюбие.

К моменту отправки в армию Гурбан уже был первым силачом деревни. Заслужить такое звание не так-то просто, потому что сильных сельских парней много, и конкуренция большая. Правда, Гурбан по характеру спокойный человек, он даже не очень-то стремился стать первым. Но в один прекрасный момент он понял: оказывается, в этой деревне он уже первый силач, то есть самый сильный мужчина. Это был факт, и это было приятно: его уважали, с ним считались.

Интересно, мать Сулеймана знает об этом? Судя по разговору, не знает, даже не слышала об этом.

Гурбан стал первым силачом, потому что принадлежал к роду черномазых. Все мужчины этого рода от рождения черны и очень сильны, и у всех известных представителей перед именем добавляется слово «Гара», что означает «черный». Гурбан тоже, как известный человек, звался Гара-Гурбан. Но после возвращения с фронта прозвище «Гара» сразу же уступило место двум другим – «Топал» и «Тайтах», и оба они означают одно и то же: «Хромой» – после ранения он сильно волочил правую ногу.

Да, черномазые были сильны, но, как ни странно, только Гурбану удалось завоевать почетный титул первого силача. И всё это из-за конкуренции. Представители других родов тоже стремились стать первыми, и в решающий момент кто-то из них сумел вытеснить всех остальных, в том числе и представителя черномазых. Гурбан же от рождения был таким сильным, что даже без особых усилий и прилежания стал первым богатырем довоенных лет. Тем самым он прославил свое имя и поднял престиж своего рода. Это была большая заслуга перед своими родичами, особенно мужчинами, и они стали пуще прежнего уважать и ценить его, даже чуть не поклонялись ему. Особенно мальчишки, дальние и близкие родственники Гурбана, очень гордились своим прославленным дядей...

А теперь глупая и неграмотная женщина (Гурбан окончил четыре класса и по сравнению с матерью Сулеймана, которая вообще в школу не ходила, считал себя образованным человеком), ставя его в один ряд со своим сопливым босяком, оскорбила его.

– Это очень большая война. Это мировая война, – сказал Гурбан. – Ты знаешь, что такое мировая война?

– Да какая разница: мировая – не мировая... один черт, война, – ответила мать Сулеймана. – Ты тоже странные вопросы задаешь.

– Не-е-ет, не один черт. Мировая война – совсем другая война. Сейчас везде война, и все люди воюют друг с другом. Потому что так надо, это же мировая война. Представь себе, что вся Украина и Россия – полным-полно солдат, танков, самолетов. Там очень много и немецких солдат. У них тоже много танков и самолетов. Все эти люди заняты тем, что убивают друг друга. Потому что это мировая война. А ты говоришь: один черт.

– Какой кошмар!

– Конечно, кошмар. Поэтому в такой суматохе встретить или искать фронтовиков-односельчан невозможно. Потому что это мировая война, это кошмар. Я был в самом пекле этого кошмара, но там твоего Сосо я не видел, никто из моих товарищей мне о нем ничего не сказал. Ты вообще-то уверена, что Сосо действительно на фронте? Он же мальчишка, зачем бы его сразу отправили на фронт?

– Гурбан, ты был на фронте... и даже стал городской, что ли, – мать Сулеймана обратила внимание на то, что Гурбан говорит теперь по-другому, вставляет в азербайджанские предложения непонятные ей слова «вообще», «оказывается», «уже», «как раз», «окоп» и т. п. Даже всем понятные, казалось бы, слова «немис» и «фиронт» он произносит по-другому: «немец» и «фронт». И всё это, по мнению женщины, говорило о том, что Гурбан уже сделался другим, городским человеком. Даже цвет его лица стал иным: уже не грязно-черным, как прежде, а приятно-смуглым.

– Я, конечно, тебя не обвиняю... Да, когда тебя забрали в армию, Сосо действительно был сопляком. Ты же его видел до войны. Правильно?..

– Да, когда я ушел в армию, войны еще не было. Она началась после двух лет моей службы. Значит, я видел Сосо четыре года назад.

– Четыре года назад он был маленьким. А ты знаешь, как он потом вырос? Ты даже не представляешь, каким он стал: высокий, как чинар, ей-богу. Волосы каштановые, лицо белое-белое, как у меня – красавец писаный! Девушки по нему с ума сходили. А потом пришла повестка, и его забрали в армию. Ты у меня спрашиваешь, зачем его взяли на фронт? Ну ты же это дело лучше всех знаешь. По-твоему, его, моего Сосо, куда могли забрать, если не на фронт?

– Его не на фронт отправили, – сказал Гурбан, – просто забрали в армию. Это же разные вещи. Не все колхозники косят траву. Сено косят молодые и сильные мужчины. На фронте тоже так. Воевать с немцем очень трудно. Это такое дело, что не каждому по плечу. Пули и снаряды над головой летят, как мухи и саранча. А еще и бомбы! Фронт – это ад. Каждого солдата нельзя отправлять на фронт. Трусов и сопляков на фронт не отправляют. Потому что это бессмысленно. Да, я тебе дело говорю. Им же многого не надо, достаточно одного взрыва бомбы – и сразу же от страха у всех получится разрыв сердца. Для фронта специально выбирают самых сильных, крепких, отважных... как я. Ты помнишь, кем до войны был я здесь? Если ты забыла, я напомню: я был первым силачом нашей деревни. Но ты смотри, что они сотворили со мной, самым сильным мужчиной нашего села!

В порыве чувств возбужденный Гурбан как будто впал в состояние невменяемости и временно забыл о правилах приличия. Он присел и в этом положении поднял свою рубашку до груди, чтобы показать раны на теле. Но этого ему показалось явно недостаточно, ведь его раны в основном были ниже пояса: на бедре и на ногах. А чтобы демонстрировать их, надо было встать, стоять во весь рост и спустить штаны вниз. С больной ногой ему очень трудно было вставать. Но все равно Гурбан кое-как поднялся. И вдруг опустили руки, опомнился: нет, нельзя. Пробормотав: «Я весь в ранах», – он вздохнул и с трудом опять сел. Запланированная демонстрация ран на теле так и не состоялась.

Наступила тишина, которую нарушил Гурбан:

– Ора Сосу-мосу ери дейил[1].

Опять тишина. Но теперь ее прервала мать Сулеймана:

– А по-твоему, где же мой Сосо, если не на фронте?

– Он картошку грузит.

– Правда?!

– Да. Новичков, как твой Сосо, сразу на фронт не отправляют. Временно им дают другую работу.

– Какую другую работу дают им?

– Тем, кто воюет на фронте, нужны оружие, одежда, еда. Ты знаешь, на фронте сколько едят? Очень много еды надо. А немец жрет больше наших. Ровно в двенадцать часов немец берет кусок картона и пишет: «Essen». Потом он это прикрепляет на штык своего автомата и поднимает наверх, чтобы мы все видели. «Essen» на их языке означает «кушать». Немец хочет сказать, что пора обедать: ребята, мы будем кушать, давайте вы тоже садитесь и поешьте, а как только закончим, сразу же продолжим убивать друг друга. У этих сволочей еда всегда была под рукой. А у нас не всегда можно было найти что-нибудь поесть. Но всё равно мы тоже переставали стрелять.

– Значит, вы там даже договорились с этими гадами?

– Да не договорились! Никакого договора не было. Я не понимаю, о чем ты говоришь? Я хочу ответить на твой вопрос, а ты рассказываешь о каком-то договоре. Ты лучше слушай, что тебе говорят. Опять повторяю: никакого договора между нами не было. Они хотели пообедать и сели кушать. Человек голодный, хочет кушать, понимаешь? Ты обратила внимание, что самая ядовитая змея гюрза, даже вот эта отвратительная тварь, смертельно опасный червяк, когда видит, что ее злейшие враги – человек или же другие животные, вовсе не враги, например, баран или козел, какая-то птица, вот этот воробей, ее самое любимое лакомство, – пьют воду, она их не трогает?

– Нет, я не видела, Гурбан. Честное слово, не видела. Ты даже это лучше меня знаешь. Молодец!.. Откуда мне всё это знать, если я из дома не выхожу? А ты же пастух, с детства на пастбищах за мзду скот своих соседей гонял и всё это видел своими глазами. Пастухи много знают.

– Ты не перебивай меня. При чем тут пастух? Если на то пошло, твой покойный муж, отец твоего Сосо, тоже пастухом был, но он колхозных коров пас. Что я хотел сказать?.. Да... Если немец – этот подонок, кровопийца, людоед – хочет кушать, свой автомат положил в сторону, взял тарелку и ложку, принялся за еду, по-твоему, что мы должны были делать? Стрелять по их тарелкам и ложкам, что ли? Как это, по-твоему, получается, мы даже хуже гюрзы, что ли? Не-е-ет, так нельзя. Это не по-мужски.

– И вы дали этим негодьям спокойно кушать, набрать силу, чтобы потом убивать наших сыновей?

– Солдат здесь ни при чем.

– Как это «солдат ни при чем»? Убивает-то он!

– Ему такую команду дают. Война – это такая штука, что там все равно люди друг друга убивают. Войну придумали именно для того, чтобы убивать друг друга. Люди этим занимались и сейчас занимаются. Когда им нечего делать, они затевают войну, чтобы убивать друг друга. Всё это тебе объяснить очень трудно... Чтобы понять это, надо побывать на фронте – и сразу все становится ясно. В поговорке говорится то же самое: лучше один раз увидеть своими глазами, чем сто раз услышать.

– Я вижу, ты все знаешь, Гурбан. Впервые за свою жизнь разговариваю с таким всезнающим человеком. Я даже не ожидала... Честное слово, не ожидала. Ты не только первый силач довоенных лет, ты теперь самый знающий человек нашей деревни. С таким знанием тебе уже нельзя гоняться за коровами своих соседей. Это был бы позор и срам для нашего села. Да и коров-то уже нет: всех съели и продали. Но в любом случае тебе лучше работать исполкомом.

– Я не могу работать исполкомом. У вас же свой исполком есть, зачем ты хочешь меня посадить на его место? Моя нога больная, я всё равно сейчас не могу работать. Нигде не могу работать. Нельзя, понимаешь?.. Врачи не разрешают. Когда врачи скажут, что уже можно работать, тогда видно будет.

– Значит, ты пока не будешь работать. Ну, ладно. А теперь ты, как фронтовик и всезнающий человек, можешь мне сказать, где сейчас мой сын?

– Я же тебе сказал: он грузит картошку. Грузенные картошкой вагоны отправляют на фронт, чтобы там готовить обед для наших бойцов. Еда у немца всегда под рукой, пусть и у наших всегда будет еда. А то, что Сулейман не пишет письма, это уже точно говорит о том, что он вместе с другими новичками грузит картошку. Между прочим, это очень трудно: они день и ночь работают. Им даже некогда сидеть и писать письма. Поэтому-то от твоего Сосо вестей нет. У человека работа такая – ему некогда сидеть и письмо писать. Я, как фронтовик, знаю, что там творится. На участке фронта, где я был, твоего Сосо не было, я его не видел. Как я мог его видеть там, если Сосо на фронт не отправили?

...Мать пропавшего без вести Сулеймана долго говорила с Гурбаном. И за это время Гурбан, во-первых, сумел довести до сведения этой женщины (а заодно через нее всем жителям деревни), что он, фронтовик, не ровня какому-то сопливному Сосо. Во-вторых, Гурбан, пусть даже временно, успокоил женщину, которая очень сильно переживала из-за того, что долгое время не получала письма от своего сына – участника войны, который так и не вернулся домой, письма тоже не писал, и его считали пропавшим без вести.

Другой важный момент этой встречи состоял в том, что именно там, в ходе этой беседы, родилась крылатая фраза Гурбана: «Ора Сосу-мосу ери дейил!», которая, передаваясь из уст в уста, стала поговоркой. Это тоже считается заслугой Гурбана: он хоть и необразованный человек – всего четыре класса окончил, – но

внес значительный вклад в устный фольклор времен Второй мировой войны.

Не теряя своей животворной силы, эта поговорка часто звучит и по сей день, даже тогда, когда речь идет не о войне. Если что-то не на своем месте, не подходит, не соответствует, или же какая-то работа кому-то не по плечу и он, по всей вероятности, не справится с этой нагрузкой, – вот тогда говорят: «Ора Сосу-мосу ери дейил».

Имя пропавшего без вести Сулеймана-Сосо тоже не забыто: оно живет в этой поговорке, автором которой (еще раз повторим) является Гурбан.

СовременникЪ: Альманах: Спецвыпуск, посвященный 75-летию Победы в ВОВ - М., 2020.- Часть 2. - С.11-22